

не только маркантные события (Чесма, Пугачевщина или Очаков, Измаил, казнь короля, взятие Варшавы), 2) что эта массовая ода, даже официально ломоносовского типа, далеко не однородна по тенденциям и тоже выражает процессы классовой борьбы в литературе, хотя (в силу особой инерции формы) и более глухо, чем, напр., сатирические журналы или комедия. Но это — вопрос специального исследования, не входящего в задачи этой работы.

И вот, в одах на екатерининский переворот, ломоносовский «оный ужас» (у самого Ломоносова технический термин для означения бироновщины) переносится *iisdem verbis totidemque* на одиозный аналог, на царствование Петра III. Зачем придумывать, когда учитель создал авторитетный текст? «Беды», «плачевная ночь», «яростное море», «борьба стихий», порознь и вместе, составляют арсенал Перепечина, Золотницкого, Владыкина (1765 г.) и мн. др. Сумароков в данном случае не изобретательнее других:

Низвергла ты несносно бремя,

Скончалось то злое время...

.

Нас злоба поглотить хотела,

И уж разинула свой зев

.

Скончала наши ты боязни,

Спасла Империю от казни,

Народ от неисцельных ран

.

Теряет ныне область ад

.

Сокрылось адское ненастье

.

— все из одной оды (На день восш. Екатерины, т. II, ода 8). Крайне любопытно, что оды 1801 г. в большинстве случаев отступают уже от этого шаблона. Пейзажизм державинской эпохи, привычное в сентиментализме «моральное» осмысление календаря, а заодно и календарь события (11 марта) подсказывают образ зимы. В общеизвестной оде Державина: Умолк рев Норда сиповатый... В оде Карамзина (1801):